

С. А. Русанов

Семьдесят лет охоты

Человек и природа

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 379.8
ББК 77
С11

C11   **С. А. Рusanов**
Семьдесят лет охоты: Человек и природа / С. А. Рusanов – М.: Книга по Требованию, 2012. – 224 с.

ISBN 978-5-458-27883-6

Автор книги, профессор, доктор медицинских наук, всю жизнь увлекался охотой. Эта книга вместила в себя огромный опыт старейшего советского охотника, а через картины охоты и общение с людьми разных профессий, товарищей по увлечению, отразила огромный пласт истории нашей страны, лучшие традиции русской охоты, ее техническую сторону, этику и мораль.

ISBN 978-5-458-27883-6

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

запретишь, так пускай и мяса не жрут, а то получится ханжество; пусть мол, убивает Черт Иваныч Веревкин, а они будут только кушать».

Папин отец, больной, измученный многолетними страданиями, от нас, детишек, был довольно далек, хотя и жил в нашей семье. Подлинным, в полном значении слова, дедом стал для меня дедушка Дунаев. Я его крепко любил, а он мне отвечал тем же, во всяком случае уделял много внимания.

Появившись на свет в Москве, я родным своим городом считаю Воронеж — родину многих поколений Русановых, где прошла большая часть моего детства, юности, первые годы самостоятельной жизни. Там я учился, обзавелся семьей, получил подготовку как хирург, а еще много раньше — как охотник. Мне повезло. И в том, и в другом деле моим наставником был отец, лучший из известных мне учителей. Его имя и заслуги как врача, ученого, педагога и общественного деятеля известны в медицинских кругах; здесь же я хочу обрисовать его как охотника. «Специальностью» папы была охота с легавой собакой. Тогда этот вид спортивной охоты был распространен гораздо шире, чем сейчас, редкий охотник-любитель не имел подружайной собаки. Но ни в умении натаскивать ее, ни в охоте с ней отцу не было равных среди воронежских охотников.

Охоту с гончими он любил меньше и знал хуже, переходил к ней, когда почти исчезала надежда найти в лесу хотя бы одного запоздавшего при отлете вальдшнепа, а в болоте — последнего гарнепа.

Уткой отец не то чтобы пренебрегал, но считал охоту по ней малоинтересной — ведь участие собаки сводилось к отыскиванию упавшей птицы. А красивая работа легавой — ее поиск, потяжка, стойка — была для папы настолько важна, что без нее охота обесценивалась. За неимением лучшего он мог с удовольствием отстоять вечерний утиный перелет, но «вытаптыванием» с подхода или скрадыванием уток никогда не занимался. Ценной добычей для него утка стала после того, как начались трудности с питанием, особенно ощутимые в его многочисленной семье. С 1917 по 1922 годы за наш стол садилось десять-двенадцать едоков, а в тот период каждый кусочек мяса представлял большую ценность. Возвращаясь с охоты, приходилось подсчитывать, сколько порций или, как мы называли, кусков лежит в ягдташах. Кряква котировалась как четыре куска, чирок, вальдшнеп — как два, бекас и прочая болотная мелочь — как один кусок. Я же никогда

не относился к утке свысока, а добывание кусков заставило смотреть на нее очень уважительно.

Такое отношение еще более укрепилось со временем, когда оказалось, что есть способы охоты на уток, требующие особого, и не простого, мастерства. Но в первые семь-восемь лет моей охотничьей выучки основными объектами охоты были красная дичь (бекас, дупель, гаршнеп, вальдшнеп) и перепел, в меньшей степени — коростель. Изредка попадались серые куропатки; чтобы найти их порядочно, нужно было ехать далеко, в южные уезды Воронежской губернии. Тетерев в малом числе встречался еще к северу от Воронежа, но охранялся законом. Весною отец охотился только по вальдшнепу на тяге.

В мои детские годы уже запрещалось весною стрелять вальдшнепа из-под собаки, хотя соблюдение запрета контролировалось слабо и он нарушался многими. Вспоминается рассказ одного знакомого: охотясь весной с собакою, он был встревожен звоном колокольчика, решил, что через лес проезжает становой, исправник или другой полицейский чин и поспешил убраться подальше от дороги. Ломится по кустам, чуть не бежит, а звон все ближе... Оказалось, что колокольчик был привязан к ошейнику собаки другого же браконьера.

О весенней охоте с подсадной (по-воронежски — криковой) уткой отец, вовсе ее не зная, отзывался резко отрицательно, считал, что она полностью лишена спортивного интереса, слишком легка и, главное, чревата гибелью самок. Наш единственный в моем детстве выезд на такую охоту еще более укрепил его в этом предвзятом мнении. Только через двенадцать лет мне, уже знатоку охоты по весенним селезням, удалось показать отцу, сколь она увлекательна, если овладеешь ее правилами и приемами. Я тогда доставил ему большое удовольствие, но оно было слишком запоздалой и ничтожной данью благодарности за все, что он некогда сделал для меня.

Мне не исполнилось еще семи лет, а папа уже нередко брал меня с собою на охоту. С восьмилетнего возраста и стал почти обязательным его спутником, вначале, разумеется, весьма обременительным. Ему я полностью обязан своей квалификацией охотника с легавой собакой. Другие виды охоты я освоил позже без его помощи и довольно поверхностно, так что только в охоте с подсадной уткой, манком и чучелами могу считать себя мастером.

От отца заимствовал я и методику обучения будущего охотника, начиная с детских лет; потом мне не раз пришлось ее с успехом применять, особенно при воспитании

своего собственного сына, ныне одного из ведущих советских охотоведов, охотника с большим и разносторонним практическим опытом и, вероятно, единственного в СССР доктора биологических наук, удостоенного этой ученой степени за диссертацию на чисто охотоведческую тему.

Воспоминания о том, как отец учил меня, а я — сына, заставляют от всей души приветствовать введенный ныне порядок, при котором право иметь ружье и охотиться достигается не только успешной сдачей охотминимума, но и обязательной практической стажировкой без ружья под руководством опытного охотника.

Приходится признаться, что условия, в которых проходило мое обучение, были многое благоприятнее современных. Требовалось всего двадцать-тридцать минут ходьбы, чтобы от нашей воронежской квартиры выйти на реку в пойменные луга, где особенно во время осеннего пролета водились бекас, коростель, гаршнеп. За час с небольшим можно было дойти пешком до городского (позже — институтского) леса, весной постоять там на тяге, а осенью найти вальдшнепов, иногда большой высыпкой. Тем более перспективны были выезды по железной дороге не далее шестидесяти километров от города.

Сейчас все это — далекое прошлое; в том же Воронеже, не говоря уже о Москве, обучение охоте (если не превращать его в формальность) представляет гораздо большие трудности и для ученика, и для наставника. Но я, как и те, кто предложил и ввел новые правила, не вижу другой возможности упорядочить спортивную охоту, сделать ее важным фактором рационального использования охотничьей фауны нашей Родины.

Конечно, пережитые мною особо добычливые охоты отошли ныне в область истории. Но хочу надеяться, что совершенствование ведения народного, в частности, охотничьего хозяйства со временем вновь сделает их доступными.

РАННЕЕ ДЕТСТВО И ОХОТА БЕЗ РУЖЬЯ

Самые ранние мои воспоминания — яркие, но отрывочные картины без связи с предыдущими и последующими событиями...

Вот первая из них. Вечер. Мне, совсем еще малышу, давно пора спать, а я все ворочаюсь в кроватке, хнычу. Мать укрывает меня папиной охотничьей курткой и говорит, что от нее пахнет вальдшнепом. И правда — я чувствую запах, совсем особенный, теплый, приятный, такой успокаивающий, что всем моим капризам конец, — мигом приходит сон. Видно, я знал уже, что такое вальдшнеп, но откуда — не помню. Казалось бы, и не могла охотничья одежда отца в самом деле пахнуть вальдшнепом. После я слышал от него, что в степной местности, где мы тогда жили, ему мало приходилось стрелять этих птиц. Но до сих пор, поднеся к лицу убитого, еще не остывшего лесного кулика, я вспоминаю потертую куртку из рыжего бобрика и, как ни странно, запах от птицы именно тот, который усыпал меня без малого восемьдесят лет назад.

Следующая картина. Вспоминается уже дичь, притом такая, которую действительно стоило запомнить. На полу просторных застекленных сеней (галереи) отцовской больничной квартиры лежит птица настолько огромная, что я сижу верхом на ее спине. Ноги у меня просунуты под раскинутые крылья, в руках — тяжелая усатая голова. Это дрофа — единственная, которую папе удалось добыть за всю его жизнь. А мне так и не пришлось и теперь уже не придется.

Следующее, более позднее воспоминание — о самой охоте. Наш рыжий, раскормленный конь Васька привязан к дереву у дороги. Мама с братишкой на руках — в трантасе, а я, забравшись на козлы, слежу за отцом. Его фигура, движущаяся вдали среди желтого поля, виднелась неясно — уже вечерело. Временами белым пятнышком

мелькала собака. Вдруг... как сейчас перед глазами: золотисто-розовый фон неба, на нем взвилась и рассыпается веером кучка темных точек. Два облачка дыма, два хлопка выстрелов, дым расплывается, застилает все, едва доносится голос папы — сердитые окрики. Мать говорит: «Кричит на Боя — значит не убил».

Но нет; вот мы едем обратно, а я все ощупываю двух мягких, тяжелых куропаток. И это еще не конец, если папа не забыл своего обещания. Оказывается — помнит; остановив спешащую домой лошадь, он сходит на землю с вожжами и ружьем в руках, заряжает и дважды стреляет вверх. Как взлетели в темное небо споны больших красных искр, клубы дыма! Как гулко раскатились по полу мощные удары! Моя младенческая душа потрясена, я полностью и на всю жизнь оклодован. А Васька только тряхнул ушами и фыркнул неодобрительно; ему бы поскорее в стойло, к яслям с овсом.

А вот еще сцена, много раз повторявшаяся. Папа чистит ружье, я ему «помогаю», смотрю, слушаю, а про себя твержу, как заклинание: «Франкотт» 12-го калибра, модель «Прогресс»... цевье... колодка... ложе», — и горжусь, что в любую минуту кому угодно могу сообщить, какое у моего отца ружье и из каких частей оно состоит.

Происходило все это на Украине, в Саксагани (тогдашней Екатеринославской губернии, Верхнеднепровского уезда), где отец работал земским врачом.

Из папиных собак того времени могу рассказать только о последней — кофейно-пегом пойнтере Бое. Его внешность и особенно суровый нрав четко сохранились в моей памяти. Бой не допускал вольного обращения. Поиграть, повозиться с ним мне не удавалось, и если я очень приставал к нему, он ворчал и скалил зубы. Но любовь собаки к папе и преданность ему были безграничны. Однажды близкий, часто посещавший нас знакомый дружески хлопнул отца по плечу. Бой тотчас сбил мнимого врага с ног и порвал на нем одежду. Рассказ папы о воспитании Боя заслуживает того, чтобы передать его подробно.

Местный охотник сельский богатей (куркуль) взял Боя щенком, вырастил и в какой-то мере натаскал — собака начала уже становиться по куропаткам и перепелам. Но в день открытия охоты все было испорчено недопустимым, заведомо гибельным для натаски поступком охотника. Он не только позволил себе браконьерский выстрел по зайцу, но и натравил Боя на подстреленного русака, дал поймать и задавить его. После этого собака потеряла всякий интерес к птице, зато, увидев зайца — а их было не-

мало, — кидалась за ним, уходила из вида, надолго пропадала и возвращалась измученная, но готовая с таким же пылом преследовать очередного зверька. Нешадные побои не помогали, да и не могли помочь; они доставались Бою спустя долгое время после проступка — как же было собаке понять, за что ее наказывают? А вот то, что вернувшись после погони следует держаться от хозяина подальше, Бой сообразил очень скоро; не приближаясь, не подходя на зов, он разыскивал следующего зайца и все начиналось сначала. Словом, охота с ним стала невозможной.

Помучившись около месяца, охотник привел Боя к папе и сказал, что собирается пристрелить собаку, «так, мабудь, пан доктор захочет взять его?». «Пан доктор» решил купить Боя, но владелец категорически отказался от платы и отдал кобеля «за так».

С прежним хозяином собаке жилось, видимо, несладко; за несколько дней Бой у нас совершенно освоился, стал хорошо слушаться отца и охотно пошел с ним в поле. Напоровшись на куропаток, Бой не обратил на них внимания, но когда убитая птица упала у него на глазах — нашел ее и даже стал по ней. Однако для задуманного педагогического мероприятия папе нужен был заяц, как нарочно долго не попадавшийся. Наконец выскочил крупный русак, папа убил его, а Бой схватил и начал трепать. Отец отнял зайца, намертво привязал его к ошейнику собаки, основательно высек ее и отпустил. Бой метнулся прочь, но тяжеленный зайчина не давал хода. Напрасно пес мотал головой, вертелся туда и сюда — от русака освободиться не удавалось. Получив еще пару крепких ударов плетью, Бой рванул было во весь мах и тут же покатился через голову — заяц подвернулся ему под ноги. Сделан еще несколько столь же бесплодных попыток убежать от русака, кобель сел и жалобно завыл.

Второго урока не потребовалось — от зайцев Бой стал шарахаться, по птице же начал работать с каждой охотой все лучше. К концу сезона он полностью понял свою роль на охоте и выполнял ее с большим талантом.

Охотиться с Боем папе пришлось недолго — только три года. В конце 1906 года начались сборы в дорогу — папа получил перевод в Воронеж. Тут накануне отъезда явился прежний владелец и стал требовать «своего собаку», доказывал, что отдал Боя только на время, совал деньги за обучение и прокорм. Кончилось тем, что папа послал его ко всем чертям вместе с деньгами, и мы уехали, оставив собаку. После стало известно, что ничего хорошего из это-

го не вышло. В разлуке с возлюбленным хозяином и учителем Бой тосковал, стал непослушным, работал плохо. Какова была его дальнейшая судьба — не знаю.

Жизнь в Воронеже началась для нашей семьи тяжело. У деда, Гаврилы Андреевича, в дороге резко ухудшилось состояние здоровья, и вскоре после переезда он скончался. А вслед за тем младший брат Андрюша умер от туберкулезного менингита, болезни в те годы неизлечимой.

Лето 1907 года мы провели в деревне Ерофеевке, в небольшой усадьбе, которая досталась от деда моему отцу и его братьям. Папа ни разу не брал меня на охоту, да и сам, видимо, почти не охотился — натаскивал свою новую собаку, молодого Ракета, тоже кофейно-пегого. Запомнилось мне немногое. Первое мое знакомство с чибисами произошло на прогулке по лугам: пара птиц, охраняя гнездо, с писком вилась над собакой, чуть не задевая ее крыльями, а папа учил меня на их крик «чыи-вы? чыи-вы?» отвечать: «Мы Русановы!»

Как-то раз в чулане я нашел бутылку, на дне которой обнаружил немного — около столовой ложки — пороха, высыпал его на бумажку и решил взорвать норку земляных муравьев на дорожке перед домом. Как и следовало ожидать, «подрывник» получил сильную вспышку пламени в лицо. Глаза я успел зажмурить и отделался дешево — несколько дней ходил с черным лицом «вроде арапа или нечистого духа», — смеялся приехавший в воскресенье отец. Потом закоптившаяся кожица слезла, опаленные брови и ресницы отросли. Зато на всю жизнь осталась осторожность в обращении с порохом.

Следующий, 1908 год могу считать началом своей охотничьей подготовки. В течение шести лет я сопровождал отца, осваивая, так сказать, теорию и практику охоты, кроме стрельбы — ружье мне предстояло получить на седьмой год.

«Теоретический курс» включал, в первую очередь, постоянные папины рассказы о его прежних охотах главным образом в молодые годы. Для своих «лекций» он непременно использовал каждую прогулку, в особенности обратный путь. Я, пока не подрос, возвращаясь, уже едва плелся, а слушая отца забывал об усталости, старался не отставать, чтобы не упустить ни одного слова. Дети обычно хотят многократного повторения полюбившейся сказки, рассказа: так и я постоянно просил папу рассказать еще и еще раз о том или ином случае. Рассказчиком он был отличным; как живые стояли передо мной образы его наставников в охоте: рыжебородого крестьяни-

на Дмитрия Максимовича (под его руководством отец научился стрелять, убил свою первую утку и дупеля) и соседа Русановых по деревне Алексея Ивановича Алмазова. Последний, как и оба мои деда, был в дружбе с Толстым, под влиянием которого оставил обширную врачебную практику в Москве и уехал в деревню. Там он работал в своем небольшом саду, разводил пчел, лечил местных крестьян, знакомил их с учением Толстого, за что находился под подозрением властей и чем навлек на себя злобу церковников.

Жизнь Алмазов вел самую простую, питался не лучше крестьянина-середняка, бросил курить, отказался от спиртных напитков. Охотой же продолжал заниматься ряд лет, постепенно охладевая к ней, но прежде чем совсем перестал охотиться, нашел новый интерес в обучении моего отца правильной охоте с легавой собакой, отдал папе своего молодого пойнтера Рэка, помог натаскать его, руководил охотой с ним, сам почти не стреляя, затем подарил отцу ружье. Я настолько хорошо помню рассказы папы и о себе, и об А. И. Алмазове, что мог бы написать об их охотах целую книгу. Но приведу только три рассказа, каждый со своей тематической направленностью.

Тема первая: «Никогда не дури с ружьем». Отец мой начал охотиться с одноствольной шомполкой, переделанной деревенским кузнецом из кремневой в пистонную. Пистон (капсюль) одевался на «бабку» (брандтрубку), ввинченную не в казенник ствола, а в коробочку, приваренную к нему сбоку и сообщавшуюся с ним через оставшееся от кремневой системы отверстие — затравку. Порох из ствола мог не попасть в эту коробочку, и тогда взорвавшийся капсюль не воспламенял заряда. Поэтому, если в брандтрубке не было видно крупинок пороха, то его приходилось подсыпать в нее снаружи, проталкивая булавкой, а потом уже надевать пистон. С этим ружьем папа охотился два лета; точно такое же было и у рыжего Максимовича.

На третье лето двоюродный брат отца, студент, пребывавший заняться охотой и не найдя в ней вкуса, подарил папе свое ружье, сказав: «Довольно тебе ходить с этой кобыльей ногой». Ружье было тоже шомпольное, но нормальной конструкции, двуствольное, работы довольно известного тогда тульского оружейника Грязнова.

И вот первая охота с новым ружьем! Перед восходом солнца отец вышел из амбара, приспособленного под летнее жилье для мальчиков и именуемого «амбарной академией», зарядил ружье и по привычке заглянул в бранд-

трубки. Пороха в них не было видно. Сказав о себе почему-то в третьем лице: «Он мог поклясться, что выстрела не последует», — папа надел пистон, прицелился через широкий двор в закрытые ставни дедушкиного окна и нажал спуск. «Выстрел последовал», мелкая дробь сыпнула по ставням, и стрелок, мигом перескочив забор, помчался на деревню, где его ожидал Дмитрий Максимович. На счастье, ми одна дробинка не попала в щель ставен, стекло уцелело, и за обедом дед сказал только: «Просил бы не стрелять так близко от дома!»

Вторая тема: «Не теряйся!» На Воронеж надвигалась эпидемия холеры, город охватила тревога. Но нет худа без добра: начало занятий в гимназии отложили, и братья Русановы оставались в деревне до октября. Однажды папа и получивший уже ружье дядя Боря охотились с неизменным Максимычем. В ольховых кустах, у болота, Борис чуть не наступил на вальдшнепа. Шумный взлет на открытое место и за ним... Увы! Не выстрел, а крик Бориса: «Дмитрий! Вальдшнеп! Эй-эй!» Максимыч разъярился: «У, нягодные! Чаво же вы не били та!» (Кстати, этим «эй-эй» дядюшку дразнили и на моей памяти.) Рэк быстро нашел вальдшнепа, и Боря сумел попасть в него.

— Так вот, — закончил папа. — Охотники бывают трех родов. Первый сорт — «хлопало»: хлопает птицу за птицей; второй сорт — «пукало»: пук да пук и все мимо; а третий — «ахало»: нужно стрелять, а он вместо того кричит «ах!». И вот это — самое позорное.

Со временем у старинного охотниччьего писателя Вакселя я нашел еще четвертую категорию — «напузник-пукало»: стреляет только по сидячей, птице, подобравшись к ней ползком, и все-таки мажет. Не уверен, что он хуже, чем «ахало».

Наконец, третий рассказ на тему: «Не спеши без надобности». Уже в последнем классе гимназии папа с братьями Борей и Алешей в зимние каникулы ходили по зайцам. Мальчиков сопровождал А. И. Алмазов без ружья. Летела поземка, все следы замело. Убедившись, что поиски будут бесплодными, охотники повернули к дому, сошлись и шагали все вместе по глубокому снегу. Тут чуть не из-под ног у них взметнулся матерый русак. Мгновенно прогремело шесть выстрелов, заяц, бойко подкидывая задок, умчался за далекий бугор.

— Ну-ну! — сказал Алексей Иванович. — Я уж думал, тут ему, бедному, и конец! — Потом указал на шесть дырок в снегу, пробитых дробью будто кулаком, и добавил: — Успели бы выстрелить еще раза по три — ан уж

нечем. Нужно было сказать: «Беги, беги! Все равно не уйдешь!» А потом уже стрелять. Я, бывало, всегда так делал.

Сколько же раз в жизни мне случалось забывать этот мудрый совет при виде близко вскочившего зайца!

Едва научившись свободно, не по складам, читать, я получил в подарок от папы «Записки ружейного охотника» С. Т. Аксакова. Его автобиографическую книгу «Детские годы Багрова-внука» я уже хорошо знал (мне не раз прочли ее вслух) и очень невзлюбил мамашу Сережи за упрямство, с которым она отвадила мужа и пыталась отвадить сына от презираемых ею охоты и рыбной ловли. «Ага! Все-таки не вышло по-твоему!» — радостно подумал я, еще не дочитав первую страницу «Записок». Эта охотничья библия на много лет стала моей настольной книгой. Наслаждаясь и волнуясь, я перечитывал ее — наверное, прочел несколько десятков раз, причем остро завидовал тому охотничьему раздолю, которое досталось С. Т. Аксакову.

Но кое-что в «Записках» меня коробило: так, беспощадное истребление куликов-веретенников на гнездовьях мне казалось варварством. Не лучшее впечатление производило спокойное описание того, как весной из пары уток охотник сознательно бьет сперва самку, после чего уже нетрудно убить и селезня; он упорно колотится (летает) вокруг места, где потерял подружку, пока сам не попадет под выстрел.

Я понимал, конечно, что все это — достояние истории, но примириться не мог. Папа уже привил мне элементарное понятие об охотничьей этике. Слова Аксакова о том, что ему стыдно было стрелять селезней, в ослеплении страстью летящих к подсадной утке, меня особенно смущали. Не стыдился же он бить куликов, ослепленных родительскими чувствами, старающихся отвести охотника от своей гнездовой колонии!

Но это были отдельные темные пятна, не нарушавшие общего очарования от «Записок ружейного охотника». Из них я почерпнул множество сведений о жизни и поведении различных видов дичи и о способах охоты, с которыми отец не успел или не мог меня познакомить. Кроме того книга была издана с приложениями, в число которых входили статьи о натаске собаки и статья о ружьях и боеприпасах. Последняя описывала дробовые ружья, разнообразные системы затворов, замков, цевья, виды сверловки стволов, ствольной стали и Дамаска.

Часть сведений — особенно в отношении затворов —